

— АННА ГУРОВА —

ЗЕМЛЯ ОБОРОТНЕЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)1-442
Г95

Разработка серийного оформления *Елены Лазаревой*
Иллюстрации *Михаила Емельянова*

Гурова, Анна Евгеньевна.

Г95 Земля оборотней : [роман] / Анна Гурова. —
Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2027. —
416 с. — (Скандинавская мистика).

ISBN 978-5-17-186909-0

Сампо, мельница желаний, больше не подчиняется ни людям, ни крылатым тунам. Она прорастает сквозь горы, постепенно разрушая само мироздание. Кто способен сладить с ней?

Ильмо из рода Калева отправляется в Похьёлу — мрачную землю оборотней. На его пути — ледяные пустоши, подземелья, созданные магией чудовища и сама богиня смерти. С ним верные друзья и вера в свое предназначение. Но достаточно ли этого, чтобы одолеть темные чары и вернуться домой?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)1-442

ISBN 978-5-17-186909-0

© Анна Гурова, текст, 2027
© Михаил Емельянов, илл., 2027
© ООО «Издательство АСТ», 2027

Пролог

Корабль приближался к берегу. Шли на веслах, выгребая изо всех сил. Порывистый северный ветер сносил драккар обратно во фьорд, словно не желал пускать его в Луотолу, главную гавань Похьёлы. Слишком холодный ветер для конца лета, пусть даже лета похьёльского.

Варг Ульф Комар — удачливый вождь, гроза побережий, воин и грабитель, при случае и купец — греблей не утруждался. Он стоял на носу драккара, положив руки на пояс, и недовольно оглядывался по сторонам. Ну и гнусная же местность эта Луотола! Вот уж воистину обиталище крылатых оборотней!

Высокое и бледное выстуженное небо. Тускло-серое угрюмое море. А между морем и небом — один только черный камень скал, весь изрезанный огромными кривыми трещинами, словно некий великан рубил берега мечом. Прежде тут хоть какая-то трава росла, прибрежные камни укрывал мох, пучки водорослей колыхались в прибое. А теперь — ничего. Мертвые скалы, пустые воды. Кажется, будто уже настала зима, хотя до нее еще месяца два.

«Надо будет непременно уйти отсюда до начала бурь», — в который раз подумал Ульф. Осенние бури в коварном Закатном море особенно страшны.

Все здесь было пропитано тревогой. Скрытая опасность невидимо разливалась и в воде, и в воздухе, а особенно — в этих черных скалах. Утесы над морем вздымались почти отвесно, отгораживая гавань и гнездовья от внутренних областей Похъёлы. Где-то за горами время от времени раздавался далекий грохот и гул, будто сходили лавины. Но какие лавины летом?

Да, прежде тут не было так мрачно. В скалах — тюлени, в море — косяки трески, на берегу — люди. В гавани теснятся суда. Небо полно чаек и иных крылатых... созданий. И где они все теперь?

«А слухи-то не ввали, — подумал Ульф не без удовлетворения. — Туны, похоже, в самом деле бросили свое гнездовье! Конечно, все сокровища они унесли с собой. Но вдруг что-то забыли впопыхах?»

Чем ближе к берегу они подплывали, тем явственнее становилась картина запустения. Не только исчезла вся живность — сами горы изменились. Крутые склоны прочертили следы недавних оползней, а половина гавани была погребена под каменными обломками. Ульф прищурился, высматривая среди руин поросшую мхом крышу своего склада.

— Не могу сладить с этим ветром, — раздался рядом с ним хриплый голос.

К хевдингу, пошатываясь от усталости, подошел Лакс, заклинатель погоды, знаток рун и скальд — что, впрочем, не мешало ему быть таким же разбойником, как Ульф.

— Вот уж воистину проклятая земля! Слухи говорят, во всем виновата старая ведьма Лоухи. Дескать, она своим колдовством вызвала гнев богов... Что же тут случилось?

— Что, что... — проворчал Ульф, рыская взглядом среди осыпей. — Земля тряслась, и скалы упали. Раньше не видел, что ли, как это бывает? Ага! Вот они, мои склады! Слава Одноглазому, оползень прошел стороной! А вон еще дома уцелели. Ух, пошарим тут сейчас! Гребите к берегу!

— погоди! — перебил его скальд. Взгляд его затуманился. — Там неладно. Что-то нас поджидает там. Чувствую — оно нас уже увидело...

— Что еще за «оно»? — раздраженно спросил Ульф. — Тролли? Оборотни?

Лакс отер со лба пот холодной рукой.

— Не понимаю, — бормотал он. — Это нечто — не от нашего мира. Оно не враждебно и не дружелюбно, но мы перед ним — что пена на волнах. Оно все и разрушило...

— Ну и что с того? — буркнул хевдинг. — Высадиться-то можно или нет?

— Я пока не пойму. Не мешай, дай послушать...

Ульф пожал плечами и замолчал. А скальд снова зажмурился, чтобы обычное зрение не мешало ему скользить вниманием по той грани Изнанки, откуда приходят песни, проклятия и пророческие видения. Лакс слушал... и вдруг руки у него задрожали и пот снова потек по спине. Он понял, что это «нечто» видит его и точно так же прислушивается к нему. Оно с легкостью видит его насквозь, читает его мысли и мысли всех на этом драккаре — нет, не мысли, желания! И от них, от желаний, будет зависеть, как с ними поступят...

— Надо поворачивать! — с трудом выговорил он, открывая глаза. — Скорее, назад!

— «Поворачивать»! — передразнил Ульф заклинателя. — Там у меня осталось тюленьих шкур, кито-

вого жира и рыбьего зуба столько, что хватит на три таких корабля вместе с командой и с тобой в придачу. Думаешь, я все это оставлю тут гнить? Нет уж!

— Хочешь гнить рядом? — хрипло спросил скальд.

Хевдинг взглянул злобно, отвернулся и крикнул:

— Гребите к берегу!

...Крошечный кораблик качается на волнах. Скорлупка, рыба чешуйка... Даже забавно: такой беспомощный, такой уязвимый, и все же ползет вперед, упрямо выгребая против ветра. Достаточно уронить в море скалу — да хоть бы вон ту, которая и так еле держится, — чтобы его накрыло волной. Один всплеск, и снова станет тихо и спокойно.

А вот существа на палубе... Как просты и ясны их желания — мелкие, глупые. Жажда наживы. Желание жить. И всё. Обычные помыслы смертных. Они могут воплотиться и сами, волшебная мельница им не нужна.

Всё, корабль больше не интересен.

«Убей их!»

Другое, могучее желание приходит откуда-то из холодных темных глубин. От той, что всегда желает смерти и не может насытиться. Но к чему убивать? Это всего лишь обитатели Мидгарда, однодневки, даже не чародеи. Они скоро умрут сами, а их желания не имеют никакого значения.

И они ничего не знают о сампо. Да если бы и знали...

«А я говорю — убей! Иначе вскоре они вернутся, только их станет вдесятеро больше. И могут привести с собой других, более опасных! Тех, кто знает о тебе, у кого есть сила...»

Сампо не отвечает. Оно не видит причин губить однодневок. Оно и не создано для убийств. Оно еще помнит, что когда-то было частью Древа, родственного всем деревьям и всем скалам в мире. Древа, рожденного самой Вселенной, чтобы дарить трем мирам жизнь, а не гибель. Быть основой порядка, а не хаоса.

Но могущественному желанию, приходящему из темных глубин, трудно сопротивляться. Мало что в мире сильнее, чем желание бога. Или богини.

Сампо уже давно не та ручная мельница, в которую Лоухи положила кусочек коры Мирового Древа. Теперь это огромное дерево, чьи ветви и корни змеятся в темноте подземного мира, разрушая изнутри горы Похъёлы. Огненная лава течет по жилам земли, пробуждая новые ростки. И сампо растет, подготавливаемое злобной волей из глубин. Растет против всей своей природы — вниз...

Прямо сквозь подземный огонь — к смертельному холоду Хорна, мира мертвых.

Сампо сопротивляется. Оно не хочет расти туда, куда его подталкивает могучая воля Калмы. Там тьма, холод и боль, там нет пищи для корней. Там ему суждено превратиться в нечто такое, чему в трех мирах и названия нет. Великое желание Калмы — чтобы побег Мирового Древа рос вниз, в Хорн — отвратительно самим законам мироздания.

Но сампо было создано, чтобы выполнять желания.

«Мир крутится вокруг Мировой Оси, только потому что его двигают желания богов. Если бы они исчезли, время бы остановилось. И тогда Мировая Ось станет ненужной — и переломится под тяжестью неподвижной Вселенной».

Так нашептывает Калма, богиня смерти.

«Теперь ты моё. Поэтому выполняй мои желания. Повинуйся».

Скала над Луотолой начинает потрескивать, вниз с шорохом бегут мелкие камешки. Скоро ее вершина упадет во фьорд, и волна слизнет кораблик, как муху...

«Еще одни! С севера!»

Теперь желание смерти из глубин становится сильнее и определеннее. Вот и явились те, кто знает про сампо. За ним-то они и пришли. Забрать его! Украсть!

Ненависть Калмы передается молодому Древу.

Трещина перестает расширяться, скала застывает на месте. Кораблик забыт. Всё внимание сампо — на север. В сторону Внутренней Похъёлы.

— Клянусь ледяными Вратами Хорна! Вы гляньте, что тут творится!

— Да-а... и месяца не прошло, а Луотолу не узнать. Будто и не было тут никогда нашего гнездовья...

— Заткнитесь-сь, — прошипела Лоухи.

Три туна стояли на выступе скалы, издалека обозревая горный хребет, отделяющий внутренние области страны от моря. Лоухи, теперь уже бывшая Хозяйка Похъёлы, и два ее родича, которым она еще могла доверять. Оба были немолоды, многоопытны и искушены в колдовстве, но не смогли удержаться от возгласов изумления, увидев, во что за считанные дни превратилось их родное гнездовье.

«Но почему? — со злобой и отчаянием подумала Лоухи. — Что я сделала не так?! Когда допустила ошибку?»

Скалистый хребет растрескался, как лед в жаркий день. В глубоких извилистых трещинах рдела лава. Со всех сторон поднимались в воздух удушливые испарения, что просачивались из растревоженных недр. Земля дрожала, над горами стоял монотонный гул.

— Нам туда нельзя, — убежденно сказал один из тунов. — Там смертельно опасно. Для тебя, Лоухи, — особенно.

Лоухи поморщилась. Она и сама это чувствовала, причем получше других. Знала: сампо хочет ее гибели. Подумать только, сампо — её сампо — стало ей враждебно! Эта нелепая деревянная мельница, над которой она вначале посмеивалась, которую так долго к себе приучала, и сама училась с ней управляться — чем она теперь стала? И главное, почему?!

— Надо все же попытаться, — угрюмо сказала Лоухи. — Давайте-ка слетайте на разведку!

Оба родича нахально сделали вид, что не слышали. Время, когда Хозяйке Похъёлы было достаточно сказать «я желаю», увы, закончилось.

— А, чтоб вас пожрали демоны Хорна! Полетели вместе! В пещеру можете не заходить, я спущусь одна. Если со мной что-то случится...

Лоухи замолчала. Хотела было сказать: «Новой Хозяйкой Похъёлы станет дочь моя Ильманейтси», но промолчала. Какая еще Хозяйка, у которой даже гнезда своего нет?

— Ладно, полетели, — нехотя произнес старший тун, расправляя перья. — Ветер северный, авось проскочим. Попробуем подняться повыше над хребтом.

Оборотни распахнули сизые крылья. Вскоре три крылатых существа, издав далеко похожие на орлов, уже

поднимались все выше и выше, к самым облакам, оставляя горы далеко внизу.

Но стоило им поравняться с первыми отрогами барьерного хребта, как прямо перед ними проснулся вулкан.

Издалека это выглядело даже красиво. Разверзлась гора, и в воздухе с обманчивой неторопливостью выросло облако пепла. Оно вздымалось, кудрявясь, словно крона дерева на ветру. У его корня мерцало слепящее пламя.

Туны одновременно склонились на левое крыло, огибая плотное облако. И тут в уши им ударил ужасный рев. И удар ветра — с юга.

Лоухи, не раздумывая, повернула обратно и изо всех сил понеслась к северу. Краем глаза увидела, что ее родичи сделали то же самое. Но они не успевали. Волна горячего, вязкого воздуха ударила их, закружила, швырнула вниз. Ветер был не просто горяч, а ядовит и полон частичек пепла. В нем нельзя было лететь. Им было невозможно дышать. Туны не могли даже взмахивать крыльями. Их несло помимо воли, словно птиц, попавших в бурю. Их окутала тьма. Воздух стал как камень... а потом исчез вовсе.

— Мать Калма! — воззвала Лоухи, хрипя и задыхаясь. — Спаси, помоги!

...Спустя долгое время облако пепла отнесло ветром к востоку, и оно неторопливо уползло, оставив под собой плоскогорье, покрытое густой и горячей черной грязью. В грязи что-то трепыхалось. Кашляя и бранясь, Лоухи выбралась из липкой каши и кое-как поднялась на ноги. Протерла глаза, огляделась и застонала. Вдалеке по-прежнему извергался

вулкан, выбрасывая к небу огненные фонтаны лавы. От родичей не осталось и следа.

— Мать Калма! — прохрипела Лоухи. — Ну за что ты так со мной?!

Она и не догадывалась, что на этот вопрос есть совершенно определенный ответ.

...Только что высадившиеся на берег варги замерли и подняли головы. Гул, доносившийся с той стороны гор, резко усилился. Над гребнем, клубясь, поднималось огромное облако пепла.

— Надо уходить! Немедленно! — проорал Лакс прямо в ухо Ульффу.

Но хевдинг колебался:

— Ветер вроде бы меняется. Давайте бегом к складу и тащим на корабль все, что подвернется!

Ответом на его приказ был крик одного из гребцов. Тот показывал не на вулкан за горой, а на скалу, нависшую над гаванью. Скала медленно отделялась от горного склона, трещина росла на глазах.

— ...не раздавит, так смое! — долетел крик сквозь усиливающийся грохот.

Ульф стиснул челюсти, бросил последний тоскливый взгляд в сторону складов и заревел:

— Видно, боги против нас сегодня! Отплываем!

Волна от упавшей скалы догнала их уже в море. Качнула, подбросила, корабль закрипел, но выдержал. И, подхваченный северным ветром, стремительно поплыл восвояси — чтобы больше сюда не возвращаться.

ВЫБОР ПУТИ

Маленький отряд шел через осенний лес. По ночам над землей поднимался туман и стоял в воздухе до позднего утра. В тумане влажно чернели стволы елей и сосен. Березы уже облетели. Под ногами трещали черничники, чавкала грязь, мох облеплял каньги.

Далеко позади осталась безымянная речка — приток Яннего, по которой Ильмаринен и его друзья держали путь к северу. Плыть на однодревках в преддверии зимы — невеликое удовольствие, но все понимали, что это была самая легкая часть пути. Когда впереди возник красноватый гранитный утес — знак, о котором предупреждал Вяйнемейнен, — пристали к берегу. Речушка ушла дальше, сворачивая к востоку, в земли саами.

На берегу поджидала охотничья стоянка: пустая замшелая землянка с провалившейся крышей. Последний раз тут, видно, останавливался сам Вяйно лет сто назад. Задерживаться не стали — спрятали под уцелевшим навесом лодки и дальше пошли пешком. В сыром тумане, в сонной тишине.

В поход они выступили впятером. Как ни настаивал Ахти, как ни возмущался, а пришлось ему отправить своих воинов обратно на Лосиный остров.

«Два десятка вооруженных парней — это, считай, вторжение, — сказал Вяино. — А пятеро пройдут — никто не заметит».

И вот теперь пятеро шагали через лес на север — а в небе над ними последние косяки птиц улетали на юг.

Впереди — темная Похьёла, земля колдунов, где поклоняются Калме, богине смерти. Калма подстроила так, чтобы похьельская колдунья Лоухи добралась до корня Игдрасиля, Мирового Древа, раздобыла кусочек священного Древа и сотворила сампо — волшебную мельницу, исполняющую желания. Но сампо оказалось старой колдунье не по зубам. Исполняя желания смертных, оно исподволь начало разрушать строй мироздания. Как изначально и задумала Калма.

Так сказал вещий старец, мудрый Вяйнемейнен.

«Так что, Ильмо, придется тебе идти в Похьёлу, — сказал он бывшему ученику. — С тобой благословение богов и предков — то есть, считай, моё. Отбери сампо у Лоухи, пока она по своему невежеству не погубила весь мир».

Легко сказать — отбери! Не слишком-то рад был Ильмаринен его словам, но против благословения богов не попрешь. Ильмо не был ни мудрецом, ни великим воином. Сирота, чуждый собственному роду, он проводил в лесу куда больше времени, чем в родном селении. Умел охотиться, немного колдовать — а больше и ничего о нем не скажешь... Но, похоже, именно на него указало похьельское пророчество: *«Сампо похитит человек из рода Кале-*

ва!» Поэтому Лоухи послала сына, чародея Рауни, чтобы тот нашел и убил Ильмо. Но Рауни погиб, а пророчество стало известно в землях карьяла.

И вот теперь Ильмо тайно отправляется в Похьёлу добывать сампо. Родичи, боясь мести страшной Лоухи, радостно выпроводили его из дому. Ильмо понятия не имеет, что будет делать в Похьёле. И что там за волшебная мельница? Никто из людей ее даже не видел!

С ним идет его старый друг Ахти Каукомьели — отважный воин, путешественник, искатель приключений. Много лет он странствовал с варгами по Закатному морю, открывая новые земли и попутно их разоряя. Именно этим он надеется заняться и в Похьёле.

Третий — Аке Младший, кормчий из племени варгов. Когда-то его отец служил Хозяйке Похьёлы и участвовал в том самом походе к корням Мирового Древа, когда и было обретоено сампо. Аке хочет найти Лоухи и снять со своего рода проклятие богов — чтобы зажить, наконец, благополучной и мирной жизнью. Для варга, конечно.

Четвертый — Йоукахайнен, молодой саамский нойда. Он родился в Похьёле и еще недавно служил тунам, но его хозяин Рауни погиб и теперь он хочет стать учеником Вайно. Йоукахайнен — самый полезный человек в этом походе. Он единственный из всех знает обычаи Похьёлы и язык тунов. К тому же он, несмотря на молодость, опытный колдун. А идут они в такие места, где без колдуна можно сразу ложиться и помирать.

Пятый — маленький угрюмый подросток Калли, холоп Ильмаринена. Никто с ним особенно не считается. И напрасно...

— Эй, парни, стойте!

Ахти, шагавший первым, остановился.

— Что там? — спросил Ильмо.

Прямо перед ними росла высоченная сосна, а за ней, куда хватало глаз — дикая россыпь валунов. Ах, вот оно что. Предстояло снова выбирать дорогу.

— Куда идем? — громко спросил Ахти. — Налево или направо?

Ильмо и Йоукахайнен одновременно показали в разные стороны и хором сказали:

— Туда!

Они переглянулись, обменялись усмешками.

Вдруг позади них раздался холодный глубокий рык, гулкий и раскатистый, как из колодца. Все застыли. Аке схватился за рукоять секиры. Ильмо быстро оглянулся — и рассмеялся. Позади него на дереве сидел огромный ворон, которого Вяйно послал приглядеть за ними. Ворон приглядывал так ненавязчиво, что о нем все давно забыли.

— Ого! — воскликнул Аке. — Вот это голосище у вещуна! И что он хочет нам сказать? Давай-ка, финн, истолкуй!

Йоукахайнен вместо ответа повернулся к Ильмо и спросил:

— Почему ты выбрал левую дорогу?

Охотник покачал головой. Казалось бы, и справа, и слева от каменной россыпи был всё тот же лес. Но лес, что слева, определенно нравился ему больше.

— Справа — лес как лес, самый обычный, — сказал он, словно оправдываясь. — А слева, сами посмотрите: и посветлее, и тропа идет повыше, так и манит...

— В том-то и дело, — проворчал юный нойда.